

Александр Грин

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Грин, А.

А65 Золотая цепь / А. Грин. – М.: Т8RUGRAM, 2018. – 404 с.

ISBN 978-5-521-06520-2

В данном издании представлены два романа А. Грина: «Золотая цепь» и «Сокровище африканских гор». Остросюжетные коллизии перемежаются с исключительными по силе вымысла описаниями реальности, а романтические герои, стремящиеся к приключениям и подвигам, покоряют сердца читателей по всему миру.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ	5
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	23
Глава IV	39
Глава V	43
Глава VI	49
Глава VII	69
Глава VIII	81
Глава IX	93
Глава X	107
Глава XI	113
Глава XII	119
Глава XIII	127
Глава XIV	133
Глава XV	139
Глава XVI	143
Глава XVII	153
Глава XVIII	167
Глава XIX	179
Глава XX	185
Эпилог	187
СОКРОВИЩЕ АФРИКАНСКИХ ГОР	203
I. Стэнли отправляется в глубь Африки	205
II. Стэнли и Гент	209
III. Лихорадка	217

СОДЕРЖАНИЕ

IV. Охотники на слонов	225
V. Гора сокровищ	231
VI. Черт в караване	255
VII. Заговорщики Зимбауэни	263
VIII. Невольник Цаупере	277
IX. Урок вежливости	287
X. Разбойник Мирамбо	297
XI. Покушение на убийство	309
XII. Осада островка	319
XIII. Лес Джуджу	329
XIV. Король Н. Комбе	335
XV. Ливингстон	355
XVI. Великая мечта	369
XVII. Арабское гостеприимство	377
XVIII. Прощание с Ливингстоном	383
XIX. Драма Руфутской пещеры	391
XX. Последний час	401

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

ГЛАВА I

«Дул ветер...», — написав это, я опрокинул неосторожным движением чернильницу, и цвет блестящей лужицы напомнил мне мрак той ночи, когда я лежал в кубрике «Эспаньолы». Это суденышко едва поднимало шесть тонн, на нем прибыла партия сушеной рыбы из Мазабу. Некоторым нравится запах сушеной рыбы.

Все судно пропахло ужасом, и, лежа один в кубрике с окном, заткнутым тряпкой, при свете скраденной у шкипера Гро свечи, я занимался рассматриванием переплета книги, страницы которой были выдраны неким практичным чтецом, а переплет я нашел.

На внутренней стороне переплета было написано рыжими чернилами: *«Сомнительно, чтобы умный человек стал читать такую книгу, где одни выдумки».*

Ниже стояло: *«Дик Фармерон. Люблю тебя, Грета. Твой Д.».*

На правой стороне человек, носивший имя Лазарь Норман, расписался двадцать четыре раза с хвостиками и всеобъемлющими росчерками. Еще кто-то решительно зачеркнул рукописание Нормана и в самом низу оставил загадочные слова: *«Что знаем мы о себе?»*

Я с грустью перечитывал эти слова. Мне было шестнадцать лет, но я уже знал, как больно жалит пчела — Грусть. Надпись в особенности терзала тем, что недавно парни с «Мелузины», напоив меня особым коктейлем, испортили мне кожу на правой руке, выколов татуировку в виде трех слов: *«Я все знаю».* Они высмеяли меня за то, что я читал книги, — прочел мно-

го книг и мог ответить на такие вопросы, какие им никогда не приходили в голову.

Я засучил рукав. Вокруг свежей татуировки розове-ла вспухшая кожа. Я думал, так ли уж глупы эти слова «Я все знаю»; затем развеселился и стал хохотать — понял, что глупы. Опустив рукав, я выдернул тряпку и посмотрел в отверстие.

Казалось, у самого лица вздрагивают огни гавани. Резкий, как щелчки, дождь бил в лицо. В мраке суетилась вода, ветер скрипел и выл, раскачивая судно. Рядом стояла «Мелузина»; там мучители мои, ярко осветив каюту, грелись водкой. Я слышал, что они говорят, и стал прислушиваться внимательнее, так как разговор шел о каком-то доме, где полы из чистого серебра, о сказочной роскоши, подземных ходах и многом подобном. Я различал голоса Патрика и Моольса, двух рыжих свирепых чучел.

Моольс сказал: — Он нашел клад.

— Нет, — возразил Патрик. — Он жил в комнате, где был потайной ящик; в ящике оказалось письмо, и он из письма узнал, где алмазная шахта.

— А я слышал, — заговорил ленивый, укравший у меня складной нож Каррель-Гусиная шея, — что он каждый день выигрывал в карты по миллиону!

— А я думаю, что продал он душу дьяволу, — заявил Болинас, повар, — иначе так сразу не построишь дворцов.

— Не спросить ли у «Головы с дыркой»? — осведомился Патрик (это было прозвище, которое они дали мне), — у Санди Пруэля, который *все знает*?

Гнусный — о, какой гнусный! — смех был ответом Патрику. Я перестал слушать. Я снова лег, прикрывшись рваной курткой, и стал курить табак, собранный из окурков в гавани. Он производил крепкое действие — в горле как будто поворачивалась пила. Я согрел свой озябший нос, пуская дым через ноздри.

Мне следовало быть на палубе: второй матрос «Эспаньолы» ушел к любовнице, а шкипер и его брат сидели в трактире, — но было холодно и мерзко вверху. Наш кубрик был простой дощатой норой с двумя настилами из голых досок и сельдяной бочкой-столом. Я размышлял о красивых комнатах, где тепло, нет блох. Затем я обдумал только что слышанный разговор. Он встревожил меня, — как будете встревожены вы, если вам скажут, что в соседнем саду опустилась жар-птица или расцвел розами старый пенёк.

Не зная, о ком они говорили, я представил человека в синих очках, с бледным, ехидным ртом и большими ушами, сходящего с крутой вершины по сундукам, окованным золотыми скрепами.

«Почему ему так повезло, — думал я, — почему?..»

Здесь, держа руку в кармане, я нащупал бумажку и, рассмотрев ее, увидел, что эта бумажка представляет точный счет моего отношения к шкиперу, — с 17 октября, когда я поступил на «Эспаньолу» — по 17 ноября, то есть по вчерашний день. Я сам записал на ней все вычеты из моего жалованья. Здесь были упомянуты разбитая чашка с голубой надписью «Дорогому мужу от верной жены»; утопленное дубовое ведро, которое я же сам по требованию шкипера украл на палубе «За-

падного Зерна»; украденный кем-то у меня желтый резиновый плащ, раздавленный моей ногой мундштук шкипера и разбитое — все мной — стекло каюты. Шкипер точно сообщал каждый раз, что стоит очередное похождение, и с ним бесполезно было торговаться, потому что он был скор на руку.

Я подсчитал сумму и увидел, что она с избытком покрывает жалованье. Мне не приходилось ничего получить. Я едва не заплакал от злости, но удержался, так как с некоторого времени упорно решал вопрос — «кто я — мальчик или мужчина?» Я содрогался от мысли быть мальчиком, но, с другой стороны, чувствовал что-то бесповоротное в слове «мужчина» — мне представлялись сапоги и усы щеткой. Если я мальчик, как назвала меня однажды бойкая девушка с корзиной дынь, — она сказала: «Ну-ка, посторонись, мальчик», — то почему я думаю о всем большем: книгах, например, и о должности капитана, семье, ребятишках, о том, как надо басом говорить: «Эй вы, мясо акулы!» Если же я мужчина, — что более всех других заставил меня думать оборвыш лет семи, сказавший, становясь на носки: «Дай-ка прикурить, дядя!» — то почему у меня нет усов и женщины всегда становятся ко мне спиной, словно я не человек, а столб?

Мне было тяжело, холодно, неудобно. Выл ветер — «Вой!» — говорил я, и он выл, как будто находил силу в моей тоске. Крошил дождь. — «Лей!» — говорил я, радуясь, что все плохо, все сыро и мрачно, — не только мой счет с шкипером. Было холодно, и я верил, что простужусь и умру, мое неприкаянное тело...